

В конце концов этот кавардак завершился тем, что Тим в чистом ужасе сиганул прямо из окна. Перехватив на лету парившего в воздухе нарушителя спокойствия, он благополучно приземлился вместе с ним прямо в объятия старшего брата.

— Спасибо, Тим, — с облегчением выдохнул Дик, бережно прижимая к себе драгоценную ношу.

— Мне кажется, пора пустить в ход тяжёлую артиллерию, — с самым серьёзным видом произнёс Тим. Однако стоило малышу Сатору беззубо улыбнуться ему, как суровое выражение лица подростка тут же растаяло. — Например, позвать Супермена или Сугуру Гето. Ну или на худой конец достать тот портативный бэт-бустер, который давно уже пылится без дела в пещере.

Всё ещё не оправившийся от лёгкого испуга Брюс повернулся к столу и снова взял чашку с остывающим кофе. Поразмыслив немного, он согласно кивнул.

Будучи неисправимым маньяком контроля, он ни за что не стал бы звать посторонних, чтобы те глазели на домашний переполох с его приёмным сыном. А потому выбор пал на заброшенный бэт-бустер. В итоге они запустили Сатору в небо, словно воздушного змея, позволив ему резвиться на привязи у послушного аппарата.

— Вообще-то, наша главная задача — научить его ходить, нет? — не выдержал Тим, наблюдая, как Дик с абсолютно счастливым видом бегаёт под парящим малышом, изображая хозяина на прогулке.

Исполнявший роль живой катушки Дик резко замер. Посмотрев на озадаченно уставившегося на него кроху Сатору, он ласково улыбнулся:

— О, Тим, ты совершенно прав. Нам действительно пора учить его ходить. Ну же, золотце, лети к братику на ручки!

У Дамиана, который как раз в этот момент выходил из дома в сопровождении Мегуми Фушигуро и Юдзи Итадори, от этих слащавых уговоров мгновенно побежали мурашки по коже. Он сердито задрал голову и крикнул в небо:

— Грейсон! Надеюсь, ты ещё не забыл, что под этой младенческой шкуркой скрывается двадцатипятилетний Сатору Годжо?!

Но Дик пропустил его вопли мимо ушей. Он продолжал ворковать, выманивая тихонько лепечущего карапуза к себе.

— Ну и что с того? — донёсся сверху безмятежный голос Дика. — Сатору-чан всё равно мой младший братишка, разве нет? Малыш Сатору, лети к Дики, хорошая моя деточка!

Дамиан передёрнулся так, словно по нему ползали полчища блох. С трудом подавив дикое желание достать катану и искромсать Грейсона на мелкие кусочки, он поспешил увести Мегуми и Юдзи со двора.

— Дамиан, ты куда собрался? — лениво поинтересовался Брюс, устроившийся в шезлонге и с улыбкой наблюдавший за сыновьями.

— За тем, что принадлежит мне по праву, отец!

«По праву?» — Брюс недоумённо приподнял бровь. Но не успел он обдумать эти слова, как над ухом раздался тихий, залиvistый детский лепет — ещё невнятный, но заставляющий сердце сжиматься от нежности.

Брюс отставил чашку и с улыбкой раскрыл объятия, приветствуя маленького нарушителя спокойствия.

Маленький Сатору ещё не успел вытянуться в ту бесконечную шпалу, которой он станет во взрослом возрасте. Окружённый заботой Дика и Джейсона, он рос кругленьким, пухлым карапузом. Его белоснежная гладкая кожа казалась полупрозрачной, а пухлые ручки напоминали аккуратные, сочные звенья лotosового корня, выточенные из лучшего нефрита.

"Может, по восточному обычаю купить ему какой-нибудь золотой браслетик на щиколотку?"

Брюс, для которого богатство никогда не было преградой, рассуждал с истинно уэйновским размахом, совершенно позабыв о том, что этот младенческий период у их гостя продлится от силы пару дней.

— А-а, а-а! — кроха Сатору доверчиво потянулся к отцу, требуя, чтобы его немедленно взяли на ручки.

Тепло, исходящее от крохотного тельца, было поразительно осязаемым. Когда этот мягкий тёплый комочек прижался к его груди, Брюса захлестнуло такое острое чувство безмятежного счастья и покоя, какого он не испытывал уже очень давно.

Он нежно, бережно погладил пушистые белые волосики малыша:

— Привет, проказник.

Возможно, сказывались прожитые годы, а может, всё то, что ему довелось пережить за последнее время, но к маленькому Сатору Брюс относился с такой щемящей, затаённой нежностью, которую едва ли мог объяснить даже самому себе.

Дик стоял неподалёку, заворожённо наблюдая за этой сценой.

— Никогда бы не подумал, что Брюс умеет быть таким, — негромко шепнул он Тиму. — В эту минуту он выглядит как самый обыкновенный, любящий отец. Не мрачный рыцарь Готэма, несущий на плечах чужую боль, и не сломленный мальчик из Преступного переулка. Просто папа.

Взгляд Брюса лучился такой теплотой, что Дик не решался подойти ближе, боясь спугнуть это редкое мгновение абсолютного покоя. Ему хотелось, чтобы оно длилось вечно.

— О чём ты говоришь? — Тим легонько похлопал старшего брата по плечу, тепло улыбнувшись. — Ты просто никогда не замечал. Помнишь, когда ты лежал раненый без сознания? Или когда возвращался с патруля и с разбегу прыгал к нему на шею? — Тим мягко посмотрел на их домашнего Большого Синего Птица. — Даже когда ты, будучи уже взрослым лбом, умудрялся повиснуть вниз головой на люстре в главном холле... Брюс всегда смотрел на тебя точно так же.

И это касалось каждого из них: Джейсона, Дамиана, Стефани, Кассандры... всех детей, которых он принял под своё крыло. Тим верил, что и на него самого в те моменты, когда никто не видел, отец смотрел с такой же затаённой, молчаливой теплотой.

Суровый Готэмский защитник прятал свою безграничную заботу глубоко под холодной стальной бронёй.

"Надо будет обязательно покопаться в архивах скрытых камер, — мысленно усмехнулся Тим, — и отыскать эти редкие кадры".

Брюс даже не подозревал, о чём шушукаются его сыновья. Он высоко подбросил маленького Сатору в воздух, заставив того восторженно взвизгнуть, а затем поймал и подкинул ещё выше. Малыш заливисто хохотал, размахивая ручками. Звонкий лепет эхом разносился по лужайке.

Внезапно Брюс остановился. Он прижал карапуза к себе так, что их лица почти соприкоснулись, делясь теплом кожи.

— Эй, малыш, — серьёзно произнёс он, вглядываясь в ясные голубые глаза. — Скажи: «Па-па».

Он затаил дыхание в ожидании, точно так же, как много лет назад, когда, уладив бесконечные проблемы с появлением этого невозможного ребёнка, укачивал его на руках и преданно ждал первого заветного слова.

— Ну уж нет, Брюс, так нечестно!

Сыновья тут же бесцеремонно втиснулись между ним и малышом, оттесняя главу семейства.

— Сатору, крошка Сатору! — Дик принялся строить забавные рожицы. — Скажи: «Бра-тик».

— Я считаю, первое слово должно быть моим! — не уступал Тим. — Кто, по-твоему, заведует всеми семейными счетами и освободил вам кучу времени, чтобы вы могли бездельничать дома на полном пансионе?

— Зато я ради него столькими нервами пожертвовал! — Дик активно зажестичулировал, преувеличивая свои заслуги.

— Вообще-то, я его отец, — раздался из-за их спин глухой и веский голос Брюса.

Все трое наперебой спорили о своей важности, отчаянно пытаясь сделать так, чтобы первое слово крохи досталось именно им.

Малыш Сатору, глядя на их весёлую суету, вдруг заливисто рассмеялся. Он захлопал пухлыми ладошками и поочерёдно коснулся лиц каждого из мужчин, заставив всех троих невольно расплыться в улыбке.

Губки Сатору зашевелились. Под напряжёнными взглядами он то приоткрывал рот, то снова смыкал губы, заставляя сердца мужчин замирать от предвкушения и падать от разочарования. Он словно забавлялся их реакцией.

После нескольких таких кругов Брюс покачал головой, едва сдерживая смех:

— Да ты издеваешься над нами, мелкий негодник. Настоящий маленький чертёнок. Даже в теле младенца твоя невыносимая тяга к пакостям никуда не делась.

Он приподнял Сатору повыше, делая вид, что хочет строго пожурить его, но, встретившись с лучистым взглядом голубых глаз, сам не выдержал и рассмеялся.

— И ведь это у него врождённое, — негромко проворчал Тим, пихая Дика локтем в бок, хотя его собственная улыбка сияла до ушей.

— Главное, что никто не мешает ему расти именно таким, правда? — Дик покачал головой перед лицом малыша, уворачиваясь от его цепких рученок.

Брюс прищурился, молча созерцая эту картину. Вот они — его сыновья, живые и невредимые. У каждого из них за плечами было тяжёлое, порой кошмарное прошлое, но все они смогли выстоять.

Тёплые лучи солнца, нежная зелень газона, лёгкий весенний ветерок, звонкий смех детей и мирно хлопочущий у клумбы Альфред, который, несмотря на преклонные годы, всё ещё был

полон сил. Всё это казалось слишком прекрасным, почти нереальным сном.

— Я люблю вас.

Слова сорвались с губ сами собой — просто, естественно, без малейшего усилия.

Брюс сам слегка опешил от собственной откровенности. Заметив изумлённые лица обернувшихся Дика и Тима, он лишь мягко улыбнулся.

— Я люблю вас, — повторил он, чувствуя, как тепло разливается по груди.

— И мы тебя любим, Брюс, — переглянувшись, в один голос ответили братья.

Дик приподнял притихшего у него на руках карапуза:

— Пусть этот вредный кот пока не умеет разговаривать, но я уверен — он тоже тебя любит.

Сатору непонимающе захлопал глазками, склонил голову набок и снова заливисто рассмеялся.

— Знаю, мальчики, — тихо выдохнул Брюс.

Вдруг малыш словно почувствовал важность момента. Смех утих, на личике расплылась широкая, сияющая улыбка, а ротик приоткрылся.

Все трое замерли, боясь дышать. Они повернулись к нему, предвкушая исторический момент.

— «Папа» произнести чисто физически проще, чем «брат», — попытался научно обосновать Брюс.

— Зато я твердил ему «братик» целыми днями! Да и своё имя тоже, — гордо возразил Дик.

— Я бы на твоём месте не торопился учить его слову «Дик», — съязвил Тим, присаживаясь рядом на корточки. — Слишком уж неоднозначно оно звучит на английском.

Однако звук, сорвавшийся с губ Сатору, разрушил все их теории. Малыш выдал:

— А-Фу! — радостно пролепетал он, указывая пухлым пальчиком на приближающуюся фигуру пожилого дворецкого. — А-Фу! А-Фу!

Словно ему было мало, он восторженно повторил это имя ещё несколько раз, пока Альфред с неизменной мягкостью не забрал его на руки.

Уцепившись за аккуратные усы дворецкого, малыш уткнулся носом в его плечо и защебетал:

— Альфред! А-Фу!

— О, мой маленький господин, — Альфред бережно прижал кроху к себе, терпеливо выслушивая каждое восторженное приветствие. На его лице не было ни тени усталости — он с тихой улыбкой откликался на каждый призыв Сатору.

Брюс, Дик и Тим переглянулись и дружно пожали плечами, не в силах сдержать улыбки. Они посмотрели на своего старого дворецкого, и их взгляды наполнились глубоким теплом.

Брюс подошёл ближе и крепко обнял пожилого человека, который всю жизнь был его нерушимой опорой.

— А-Фу, похоже, Сатору с самого первого дня любил тебя больше всех нас.

Альфред ласково посмотрел на своего маленького подопечного, а затем перевёл взгляд на взрослого хозяина:

— О, разумеется, сэр. Я прекрасно знаю, как сильно мои мальчики меня любят.

В этих словах сквозил тонкий намек. Брюс лишь покачал головой и снова тихо рассмеялся.

— Л... — Сатору снова замахал ручонками, пытаясь выговорить что-то ещё.

— Что ты пытаешься сказать, маленький проказник? — Дик легонько ткнул его пальцем в пухлую щёчку.

Сатору смешно надул губы, пустил крошечный слюнявый пузырь, а затем внезапно обхватил лицо Дика обеими ладошками и звонко чмокнул его в нос.

— Ля-авь! — почувствовав, что у него получилось, он повторил громче и чётче: — Люблю!

Не желая никого обделять, этот хитрый лис тут же дотянулся до каждого и одарил всех присутствующих звонкими поцелуями, после чего победоносно затрясся от смеха.

— Ого... Вот этого я точно не ожидал, — пробормотал ошеломлённый Дик, прикасаясь к зацелованной щеке.

Хотя взрослый Сатору Годжо никогда не отличался излишней скромностью, открыто выражать привязанность подобным образом было совсем не в его стиле. Да и у Уэйнгов такие нежности были не в ходу. Поцелуи между близкими казались им чем-то неловким. Разве что Брюс целовал их перед сном, когда они были совсем крошечными.

— Жаль, что под рукой не оказалось камеры, — с сожалением вздохнул Дик.

— Не переживай, — ухмыльнулся Тим, потирая тёплый след на щеке. — У меня есть записи с камер наблюдения.

— Эх, надо было всё-таки дождаться Дамиана...

Ресторан «Айсберг»

В этот самый момент в ресторане, где Дамиан увлечённо проворачивал очередное дельце, юный наследник внезапно оглушительно чихнул:

— Апчихи!..

<http://bllate.org/book/19544/2004540>